

дившееся в руках монахов. Нет ничего невероятного в том, что русские летописцы-чернецы изрядно поуменьшили в летописях известия о «папском» Западе, а материал, уделевший в летописи, получил антизападный колорит.

Знакомство Гюнтера Штёкля с русскими средневековыми источниками сказалося и на предложенной им периодизации. Автор намечает следующие этапы, через которые прошло формирование взглядов русских летописцев на Западную Европу: Киевская Русь, время Александра Невского, время Флорентийского собора и, наконец, Московская Русь. С этим нельзя не согласиться, потому что в исторической действительности именно эти хронологические рубежи были главными вехами в знакомстве русских книжников со странами Западной Европы.

* * *

Исследование Гюнтера Штёкля — это результат большого труда серьезного ученого, крупного знатока предмета. Остается, однако, пожалуй, что этому исследованию присущ важный методологический изъян. Всякое как историческое, так и историографическое явление, как известно, представляет результат многих, хотя и неодинаковых по своей значимости причин. Историку приходится с этим считаться, выяснять место различных причин в формировании — в данном случае историографических — фактов. Однобокий подход, игнорирование многосторонности историографических фактов неизбежно ведет к их искаженному изображению.

Гюнтер Штёкль порой односторонен, иногда явно переоценивает конфессиональную сторону дела. И это далеко не случайно, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что в дискуссии по докладу конфессиональные вопросы заняли незаслуженно большое место. Это относится не только к выступлению доктора теологии Йозефа Пинера, но и многих других участников дискуссии.

Возьмем летописание времен Киевской Руси. Конечно, нельзя возразить против того, что причину малой осведомленности летописцев в делах на Западе Гюнтер Штёкль видит во влиянии православной церкви. Но разве конфессиональная причина была единственной? Разве не сказывалась здесь также неразвитость международного общения в средние века? Нужно ли доказывать, что рассказы летописцев об отношениях Руси с теми или иными странами являются отражением реально существовавших явлений. Почему в «Повести временных лет» сообщений об отношениях с Империей и папством гораздо больше, чем об отношениях с Англией и Францией? Да потому, что так было в живой действительности. Поездки на Русь Рeginона Прюмского и Бруно Кверфуртского, как и показания Титмара Мерзебургского, связаны с «натиском на Восток»; интерес к Руси со стороны папства был связан с тем же «натиском», ибо немецкое католическое духовенство было в тесном союзе с немецкими феодалами в их захвате земель, лежавших на пути на Восток. Не случайно, что и Рeginон, и Бруно, и Титмар — все они духовные лица. В то же время летописная информация о русско-германских отношениях (даже если собрать все немецкие сообщения) оказывается значительно меньше по объему информации об отношениях Руси и Польши. Причина этого очень простая: польско-русские отношения в действительности были более развитыми, чем отношения русско-германские. И это несмотря на то, что в Польше победило католичество. Никакие киевские летописцы не смогли стереть следы весьма драматических отношений между Киевской Русью и Пястовской Польшей. Значит, на летописных сообщениях о русско-немецких связях сказывалась